

КОГДА Михаил Николаевич Алексеев завершил этот роман и поставил точку, то, по его собственному признанию, вместо радости почувствовал на душе тревогу: «Не будет ли разочарован читатель? Книга то снова о моем селе на Саратовщине, о годах предвоенных, а обещал я роман о Сталинграде...» Обещание такое автор действительно давал. Мне вспоминается май 1978 года, когда в связи со своим юбилеем и присвоением звания Героя Социалистического Труда Михаил Николаевич снова оказался в родном селе Монастырском и среди множества вопросов, которые ему там задавали читатели, был вопрос о Сталинградском романе. Я присутствовал на одной из таких встреч. Тогда Алексеев сказал, что, прежде чем написать роман о Сталинграде, он внутренне ощутил необходимость создать еще несколько повестей, в которых следует рассказать о детстве и юности автора, о жизни односельчан в предвоенные годы, и тем как бы подготовить себя для написания романа о битве на Волге.

Почему же, собственно, Алексеев пошел на такое изменение своих творческих планов? Ведь легче было бы засесть за стол и начать писать давно задуманный роман о величайшей в истории войн битве, в которой он сам непосредственно участвовал с первого и до последнего дня как боевой офицер-минометчик. Тем более что, кажется, он проявил уже большую подготовительную работу.

Но в жизни писателя бывает все не так просто, как можно себе представить со стороны. Размышляя о своей, может быть, главной книге, Алексеев, как он признавался, все время ощущал нехватку материала. И это вполне естественно, когда речь идет о таком ответственном и масштабном труде, как многоплановое произведение о Сталинградском сражении. К тому же одолевала и робость, вызванная отсутствием достаточного, как считал автор, литературного опыта. Затем, когда стали выходить исторические и мемуарные труды наших и зарубежных авторов о войне, появилась потребность внимательно изучить эту литературу, разобравшись в противоречивости оценок в ней Сталинградской эпопеи. В какое-то время писателю даже показалось, что он может «утонуть» в этом потоке документалистики, что она может взять верх при работе над романом, не оставив места для художественного обобщения событий. Писатель задумывался и над тем, что Сталинградское сражение выиграла обыкновенные люди, одетые в красноармейские, офицерские и генеральские шинели, рожденные, выросшие и воспитанные в советское время, сформированные нашей действительностью.

Значит, чтобы правдиво и глубоко показать все величие подвига советских воинов в битве под Сталинградом, нужно прежде всего всесторонне художественно исследовать наш образ жизни, нового человека накануне войны. Вот тогда-то в связи со всем этим у М. Алексеева и родилась идея — написать ряд повестей и романов, автобиографических в своей основе, таких, как, скажем, ранее вышедшие его книги «Вишневый омут», «Карюха», «Ивушка неплакучая» и другие, в которых прозаик создавал целую галерею образов, представителей народа, олицетворяющих его лучшие черты.

Роман «Драчуны» — из тех же книг М. Алексеева, которые дышат народной жизнью, утверждают красоту крестьянского труда, подвиг русского человека, преобразующего свою

родную землю. В этом романе, охватывающем по времени детские и юношеские годы автора и его земляков из села Монастырского, дана широкая панорама всей российской деревни в предвоенные годы, показана крепкая нравственная закладка, присущая русскому крестьянству, ставшему на путь новой колхозной жизни. Светлые, гуманистические начала героев «Драчунов» противопоставлены автором мрачным сторонам деревенской действительности тех лет — невежеству и частнособственническим привычкам: у Алексеева добро побеждает зло.

В народе и только в народе ищет своих героев Алексеев и с большой любовью щедро наделяет их такими прекрасными чертами, как трудолюбие, баскорытие, честность, совестливость и милосердие. Частный нелегкий

труд должен был уступить новому кизанеустройству, неведомому, никем еще не испытанному, а потому и пугающему».

А с какой мягкой иронией нарисованы М. Алексеевым сцены прибытия в село тракторно-фордозной! Кстати, ирония, юмор с лукавничкой, так присущие таланту прозаика, пронизывают многие страницы романа «Драчуны», будь это светлые или драматические главы, что, конечно, сглаживает подчас горький и местами прямо-таки местный его колорит. Чуть ли не все село сбжалось посмотреть на эти самые «тракторы», а церковный сторож даже забрался на колокольню, стал под ступодный колокол, «ударил в набат» и, «ободренный, одухотворенный поглощающим все остальные звуки звоном, радостно покоряясь и отдаваясь лишь одному ему, позабыл про все на свете и наяривал до тех пор, пока сам Воронин (председатель сельсовета, он сменил Соронина. — С. В.) не поднялся на колокольню...» Да и при этом обдумывавшему звонарю «по

простоты и невинности. Он, например, так говорил о людях, любивших пожить чужим добром: «Шут с ними, пушай тащут, лишь бы не воровали!», а также Миша Тверсков, Гринька Мазуркин, Янька Рубцов, Федька Пчелинцев и Васька Мягков. Это была добрая и дружная мальчишеская семейка. Ребята учились в школе, любили и побаивались своего учителя Ивана Павловича Наумова, прозванного за длинные, редкие, жесткие усы, крутой лоб и зеленые глаза Котом, работали в мастерской, оборудованной сыночком учителя, под руководством опытного «мастера на все руки», умного, грамотного и «к тому же трезвого» Петра Ксенофонтовича Одинокова. На уроках труда он прививал ребятам любовь к плотничьему и столярному делу — они строили в своей мас-

мого детства очень любил природу: часами бродил по окрестным полям, забирался в лесные чащи, частенько сидел с удочками у речки, куда приходил послушать разноголосую песню весны...

И вот спустя много лет мы как бы вместе с писателем возвращаемся в края его детства, его глазами сердцем его встречаем наступление весны:

«После половодья, когда наша речка Баландя возвращается в прежние привычные для нее берега и сликает в свое лоно разбежавшиеся во все стороны по лесам и лугам, веющие воды, когда вместе с ними по бесчисленным рукавам, оврагам, рывкам, продленным ими же в прежние весны, по полям, углубленным шустрыми ручьями, по старце устремляются в обратный путь нагулявшиеся волю и отеревшиеся шкуры, краснопережки, жерехи, изи и всякая другая рыба мелочь, вроде ершей и уклейки, жители села Монастырского, мужская его половина, от мала до велика, выходят на промысел. В дело пускаются снасти самые разнообразные, изготовленные загодя, в долгие зимние вечера. Тут и вентери, и верши, и наметки, и всевозможных форм и размеров сачки, и другие премудрые штуки, рассчитанные на то, чтобы изловить за блудную рыбешку».

Замечу, что не только для красоты описывает Алексеев прилет жаворонков, скворцов или грачей, веселый разлив речки и перекличку лягушек в ней. Нет, писатель всем сердцем болеет за то, что с наступлением прогресса, когда «наступают», нередко вследствие бесхозяйственности и безответственности, на основу нашей жизни — природу, она, природа, начинает гибнуть, и задача каждого человека, призывает прозаик, — сберечь ее, обязательно сберечь и приумножить для будущих поколений.

«Теперь же душу твою постоянно терзает одна и та же мысль, — пишет Алексеев, — кто нам, ныне живущим и здравствующим, кто нам дан право приносить в жертву техническому прогрессу хотя бы тон ту стрекозу, которая так доверчиво присела на кончик пальца моей семилетней внучки и привела девочку к безумной восторг, как некогда привела и меня самого? Посоводалась ли мы на этот счет с матушкой-природой?.. Почему мы, люди, должны решать за всех и вся: быть или не быть? Ну, а коль скоро мы присвоили (а мы все-таки его присвоили!) себе такое право, то не следует ли нам, разумнейшим из разумных, быть разумнее?»

Новый роман Михаила Алексеева «Драчуны» — явление необычное, неординарное, значительное. Это правдивое, впечатляющее свидетельство времени, живое дыхание жизни тех нелегких лет, их художественная летопись. Все в романе соткано прочно и основательно, все взято из реальной жизни, написано простым, бесхитростным, художественно ярким языком. Здесь писатель, как и в лучших других своих книгах, во всем блеске показывает основную силу своего дарования — задушевный лиризм. Его творчество — словно чистый, светлый родник. Каждый такт, каждая фраза здесь значима, нет тут большую смысловую нагрузку. Рассказ о простой, многогранной жизни родного села превращается в романе в глубокое душевное повествование о судьбе крестьянской, народной в эпоху рождения социалистических отношений в деревне, без которых, пользуясь выражением Алексеева Толстого, мы бы не сдюжили.

В эпилоге, означенном восьмидесятым годом, Михаил Алексеев снова приводит нас в родное село. На его центральной площади возвышается памятник обелиск. На нем сверху выписаны имена людей, погибших на войне. Многие из них знакомы нам по роману.

Вот какие они, «Драчуны» из Монастырского!

Семен БОРЗУНОВ

СВЕЖИЕ КЛЮЧИ

труд, в котором человек находит свое высшее удовлетворение, является мерилом его настоящей ценности, положения в обществе. Персонажи Алексеева прошли через горнило великого парелома начала тридцатых годов, через голод и страдания, и все это они выдержали физически и морально, закалились духовно, на себе ощутили преимущества коллективной жизни и стали настоящими людьми, подлинными хозяевами своей страны.

Но случайно поэтому лучшие страницы романа «Драчуны» посвящены сельскому труду: выездам в поле на пахоту и прополку, на сенокос и уборку урожая. Крестьяне, освобожденные от подневольной работы, прилежно трудятся на земле, чувствуют душу ее хлеботородную силу. Они знают: все, что соберут на ней, — это их, это наше. И достаток, о котором мужик прежде лишь мечтал, пришел в его дом.

Алексеев, однако, не идеализирует то сложное время, не лакирует действительность. Рассматривая коллективизацию как необходимый и важный этап в развитии советской деревни, он показывает, что она избавила крестьянина от частнособственнических пут, от темноты и заскорузлого, кондового быта. Свет новой жизни, основанной на общей форме собственности, совместном труде в артели, благотворно повлиял на переделку психологии крестьянина на коллективистских началах. Но в колхозном строительстве были и свои трудности, даже ошибки и перегибы, «головкружение от успехов» — и мимо этого не мог пройти честный художник. Без широкого и всестороннего охвата событий тех лет, без объективного их освещения не может быть полноценного художественного произведения.

Прозаик показал, ярко и убедительно, первые дни коллективизации, которые были, как известно, самыми трудными, бурное собрание и заседания, затягивавшиеся на целые зимние ночи, бойкот, объявившийся местным богатым, да и не только им — под бойкот попадали подчас и крестьяне среднего достатка.

Алексеев нашел удивительно деталь — часы с кукушкой в доме председателя сельсовета Соронина, — она, кукушка, выпорхнула из створки, собирав последние часы прежней, привычной жизни, когда

Разные герои населяют роман «Драчуны», и все они — от эпизодических, проходных и до главных, центральных — имеют свое лицо, свой характер, свое, так сказать, нутро. Колоритнее других, естественно, выписаны Алексеевым старшие — мать, отец, дед и бабушка, а также их односельчане, составляющие цвет Монастырского, — Григорий Жуков, Федот и Тимофей Ефремовы, Яков Тверсков, Авраам Сергеев, дед по прозвищу Ничей и Карлушка Котунов. Эти крестьяне, родившиеся и выросшие на земле, которая в Поволжье является для них не только ласковой матерью, но и злой мачехой, потому что здесь частенько навещает поля свирепая засуха, трудятся на ней в поте лица своего и живут праведной жизнью. Алексеевы-старшие набожны, их сознание пропитано православной верой (не считая отца будущего писателя Николая Алексеева, который секретарствовал в сельском Совете, а потом, поздорив в председателем Ворониним по принципиальным вопросам, боясь преследования с его стороны, ушел в другое село). Дед Михаил старается внушить христианские добродетели и своему внуку; уважение старших, потребность делать добро ближнему, примерное поведение на людях, бережное отношение к природе и т. д. Другие герои, Ефремовы, например, или Авраам Сергеев, — эти, как, впрочем, и Алексеевы, настоящие труженики. Хотя Тимофей Ефремов, Авраам Сергеев и попали под «красные крестики», раскулачение было по отношению к ним несправедливым актом. Все они и их семьи потом стали рабочими, колхозниками, хорошо трудились и воввали в Великую Отечественную...

Симпатичными выведены в романе и так называемые драчуны — мальчишки из села Монастырского Ванька Жуков, Колька Поляков, Минька Архипов, Патенька Денисов-Утоплевник (его прозвали так потому, что он чуть было не утонул при купании в пруду, но его откачали. Ну а раз дали Петеньке кличку, так она прилипла к нему назек, так же, как и к деду Ничею: его в детстве кто-то спросил: «Парень, ты чей?» А он ответил: «Ничей»... Ну, вот так и пошло — Ничей да Ничей. Кстати, Ничей — добродушный старичок, олицетворяющий

терской скворечники, мастерили безделушки. Ребята бывали вместе в лесу, познавали природу, животных, помогали в поле старшим и в минуты отдыха летом купались, а зимой катались на коньках. Словом, жили духовно богатой, насыщенной жизнью, росли атеистами — тут сказало решающее влияние школы, пионерии.

И вдруг между мальчишками словно пробежала черная кошка: ни с того ни с сего в кровь подрался Мишка Алексеев и Ванька Жуков, а значит, и вся компания сразу же распалась на два «враждебных» лагеря. И начались дни, месяцы и годы этой беспощадной вражды. С ребяташек она перекинулась и на взрослых, особенно стали враждовать семьи Алексеевых и Жуковых, как по-уличному звали Жуковых. Собственно, отсюда-то и идет название романа «Драчуны». На этой начавшейся с малого неприязни М. Алексеев и показывает всю странность и нелепость вражды между людьми и утверждает, насколько важно им жить в ладу да в мире. Дед Михаил так рассуждает об этом:

«Зло, Мишанька, все равно что сорняк. Посеешь его, в умислос, нечаянно ли, попробуй потом выполни! Так уж выхитрит, так расплодится вокруг, вон будешь дергать — не выдергаешь. Помирись, понамест не поздно. Мишанька» (речь идет о примирении внука и Ваньки Жукова. — С. В.)

Постепенно вражда все же гаснет, ребята и старшие мирятся, мальчишки взрослеют и вскоре разлетаются кто куда — таков закон: старики уходят «в мир иной» (в голодный тридцатый третий год умирали не только пожилые, но и здоровые, крепкие люди, и это с трагедийной силой показано в романе), а юные, сильные, горячие, взвали на свои могучие плечи ответственность за сегодняшнее и будущее страны, шагают дальше, чтобы строить и жить!

Для Михаила Алексеева, как, впрочем, и для многих из нас, осознание себя гражданином, открытие и познание мира началось с самого простого — общения с природой, с любимыми местами, что окружали его родное село: с весенним разливом реки, раздольем пойменных лугов, разноцветьем трав, утиными выводками в камышах, причудливыми кручами в степи, березовыми рощами, шумом ветров... По рассказам монастырских старожилов, Алексеев с са-